

Верёвкин В. В. Когнитивная интерпретация этимологии наименований концепта ВОЙНА в славянских и германских языках.

Статья посвящена интерпретации этимологии названий войны в семантико-когнитивном аспекте и прослеживанию (за этимологическими свидетельствами) семантической эволюции вербализаторов концепта война в славянских и германских языках, в том числе в контексте истории материальной и духовной культуры древних народов Европы.

Ключевые слова: концепт Война, вербализатор, этимология, славянские языки, германские языки, диахронический подход, когнитивная интерпретация, семантическая эволюция, языковая картина мира, материальная и духовная культура.

V. V. Veryovkin. Cognitive interpretation of war concept etymology in Slavic and Germanic languages.

The article is devoted to the etymology interpretation of war denotations in semantic-cognitive aspect and etymological evidence retrace of semantic evolution verbalizations of the concept war in Slavic and Germanic languages, including the context of history of the material and spiritual culture of the ancient European peoples.

Keywords: the concept of WAR, verbalizations, etymology, Slavic languages, Germanic languages, diachronic approach, cognitive interpretation, semantic evolution, linguistic world image, material and spiritual culture.

Диманте И. В.
Балтийская Международная академия

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕРСИИ: НАРЕЧИЯ И ПРЕДЛОГИ

Языковые факты свидетельствуют в пользу исторического этапа существования общего генетического языка-предка для балтийских и славянских языков, последовавшего за распадом индоевропейского протоязыка. Древнейший лексический пласт содержит значительное число параллелей, присущих славянским и балтийским языкам. Очередной иллюстрацией и подтверждением “балто-славянской теории” является факт модификации значений корневой морфемы, выявляемый с помощью этимологического анализа.

Ключевые слова: праязык, балтийские и славянские языки, модификация значений, многозначность.

Тайна великолетия русского языка кроется в его историческом и доисторическом прошлом. Многообразии словообразовательных ресурсов, которыми изначально располагала древнейшая славянская языковая субстанция, их активизация и реализация в виде многочисленных лексических формообразований в значительной мере определили уникальность этого языка.

С позиций этимологии, в русском языке ещё достаточно спорных вопросов и загадочных сюжетов, захватывающих воображение специалиста. Основными же трудностями, с которыми сталкиваются исследователи на своём тернистом пути, являются пестрота и разнообразие семантических изменений. Возможность неожиданного изменения значения слова

допустима в близкородственних языках и диалектах. Поэтому историю значений слова, его семантических изменений и расхождений целесообразно восстанавливать при помощи дальних “родственников” конкретного языка. В то же время любое отдельно взятое слово само по себе уникально, поэтому предполагает в рамках исследования “применение индивидуального подхода” в каждом конкретном случае [2, с. 49-50]. Ответ на вопрос относительно специфики становления какого-либо лексического образования, в первую очередь, кроется в семантике его базовой морфемы. Один за другим, снимая пласты более поздних значений и постепенно разматывая клубок причудливых переплетений процесса формирования конкретной лексической субстанции, можно подойти к различению прообраза первоначальной идеи, оформившейся затем в виде значений. И параллельно, следуя за движением мысли от конкретного к абстрактному, также можно приблизиться к постижению сути самой природы человеческого слова.

В качестве отдельной иллюстрации сказанному может послужить путь развития и становления наречного образования *после*. Его исследование направлено на постижение механизма формирования вторичных лексических значений и разнообразие “морфологического статуса”. Путём анализа связанных с этой лексемой субстанций, складывавшихся в языке в глубокой древности, возможно приподнять завесу над таинством становления значений слов, а также получить представление о явлениях и процессах типологического характера.

В ракурсе нынешних лингвистических представлений *после* трактуется, в первую очередь, как наречие, основное значение которого передаётся как “спустя некоторое время, позже; следуя за предыдущим, затем” [3, с. 316]. Кроме того, в современном понимании *после* – это предлог, имеющий, как и наречие, пространственно-временное значение с указанием на то, “за кем-, чем-л. непосредственно или спустя некоторое время совершается действие” [3, с. 316]. Следующий “статус”, присуждаемый лексеме словарной статьёй – это *приставка* со значением “позже чего-л.” (*послеинститутский, послеобеденный* и т.д.) [3, с. 316]. Таким образом, в современном русском языке *после* реализуется как лексема и как морфема абстрактного пространственно-временного или только временного значения. Лишь “условно” это наречие “обретает конкретику” только в контексте. Заложенный в таком абстрагированном пространственно-временном адвербе параметр релятивности позволяет транспозироваться наречию в предлог, а затем и в морфему /в нашем понимании – *префиксoid*/.

Однако при анализе семантики основы, на базе которой сформировалась лексема *после*, порой обнаруживает себя неожиданная трансформация значений. Но именно ретроспективный словообразовательный анализ вкупе с анализом семантическим позволяет, следуя в направлении от абстрактного к конкретному, постичь возникновение всевозможных смысловых

разветвлений. В нашем случае постижение общей сути и глубинного смысла, заложенных в семантике лексемы *после* предполагает направить исследование по пути анализа не только славянских аналогов, но и связанных с ними балтийских лексем. В первую очередь, будут приводиться сравнения с латышским языком, т.к. примеры из него менее известны языковедам, поскольку в исследованиях учёных они приводятся или в качестве секундарных по отношению к литовским, или же просто отсутствуют.

В ряде современных славянских языков – украинском, белорусском, болгарском и др. – используются аналогичные по своей семантике и облику лексемы. Некоторые из них стоит привести в качестве сравнения: *після* (как наречие и предлог), *опісля*, диал. *послі* (как наречие) – в Украине, в Белоруссии – *после*, *пасля*, в Болгарии – *после* (как наречие), *след* (как предлог) и т.д. [5, с. 60]. В древнерусском языке наречная лексема *посль* (*посль*) /графемой Ъ обозначена буква “ять” – И.Д. /отмечена уже в XII-XIII веках и используется в значении “впоследствии”, “потом”. П. Я. Черных и М. Фасмер приводят несколько версий происхождения этого адверба, считая наиболее вероятным вариант редукционного преобразования более раннего древнерусского и старославянского наречия *посльди* (*посльдь* / *посльдь* / *посльдь* и т.п.), восходящего к праславянскому **slēdh* [5, с. 60], [4, с. 339-340]. В свою очередь, по мнению учёных, это праславянское образование (из которого сформировался субстантив *след*), возникло на более древней балто-славянской основе, поскольку стало базой также для прусских, литовских и латышских лексем с различными, однако заметно взаимосвязанными значениями. Сравните лишь некоторые: лит. – *slidus* “скользящий”, *slydau* “скользить” (1 ед.); лат. – *slidens* “скользящий”, *slīdēt* “скользить”, *sliede* “колея”, “след”, *slaidis* “пологий”. П. Я. Черных и М. Фасмер отмечают, что подобные балтийским значения отмечены также в некоторых других языках, например, англосаксонском, греческом, древнеиндийском, норвежском и др. (однако в интонационном отношении это сравнение требует дополнительных исследований) [5, с. 174-175], [4, с. 668]. Это позволило прийти к выводу, что примарным значением могло быть “след от скольжения”, сформировавшемся в праиндоевропейском языковом состоянии из **(s)leidh-* / **(s)loidh-* < **(s)lei-* [5, с. 174-175]. Здесь следует отметить, что данное первоначальное значение, несмотря на то, что оно отличается материализованностью и конкретностью, включает в себе потенциал расподобления, связанный с соединением понятий действия (перемещения в пространстве и времени) и результата (изменения формы материи). Скорее всего, это послужило толчком для развития секундарных, более абстрактных значений.

В пользу убедительности “балтийской версии” имеется дополнительный комментарий к лексеме *после*. Семантическая связь синонимичных ей балтийских аналогов прослеживается ещё и в другом направлении. Достаточно сделать сравнение с латышским языком, где лексеме *после*

соответствует наречное образование *pēs*. По мнению учёных, этапы семантического развития исследуемого слова могут быть представлены следующим образом: *pēs* < *pēdis* < **pēdies* (Тв. мн. *pēds*), где первоначальное звено (*pēds*) является морфологическим вариантом субстантива *pēda* с основными значениями “*стопа*”, “*ступня*”, “*след*”. С этой стороны, прослеживается фонологическая связь и родство с русским *под* и другими славянскими аналогами. С другой стороны, предполагается, что первичное значение лексемы *pēdis* было сугубо пространственным (“местным”) и, кроме того, связано с очерёдностью (“один за другим”) [6, с. 30-31]. Таким образом, можно прийти к заключению о типологии процессов формирования секундарных абстрактных (переносных) значений в аспекте адвербиальных образований в близкородственных славянских и балтийских языках.

По предположению ряда выдающихся лингвистов, развитие значений слова в индоевропейских языках шло от конкретного к абстрактному [2, с. 80]. В то же время данное положение не противоречит факту наличия многозначности (полисемии), заложенной в качестве основообразующей примарной субстанции, породившей саму праоснову. Исходя из вышесказанного, приведённые выше в качестве иллюстрации балтизмы и славянизмы генетически взаимосвязаны, поскольку сформировались на базе единой индоевропейской праосновы. Параллельно процессам изменения её фонологического облика происходила также и семантическая трансформация, и в результате развития примарных конкретных значений складывались значения секундарные, абстрактные. Это является определённым свидетельством наличия семантической конденсации, которая была свойством данной базовой субстанции. Можно предположить, что семантическая конденсация, присущая индоевропейской праоснове, в процессе исторических преобразований трансформировалась в синтез свойств, характерных для синкретичных образований. В дальнейшем, на новом витке спирали развития, это привело к становлению дифференциальных признаков у субстанций, которые позднее оформились в самостоятельные лексемы.

Всё вышесказанное может послужить лишь одним из многочисленных свидетельств, говорящих в пользу существования исторического этапа общего генетического языка-предка для балтийских и славянских языков, последовавшего за распадом индоевропейского протоязыка. Убедительным аргументом этого положения является древнейший лексический пласт, который иллюстрирует наличие значительного числа параллелей, присущих именно славянским и балтийским языкам из всего числа индоевропейских. В пользу близкого родства балтийских и славянских языков говорит и тот факт, что в обозримом прошлом (в силу ряда причин) процесс “вживления” славянизмов (заимствований) в балтийскую почву проходил без особых затруднений и достаточно интенсивно. На современном же этапе обращает на себя внимание сходство механизмов заимствования новых слов из других

европейских языков (в основном англицизм) и формирования на их базе “собственных” лексем.

Итак, ключевое значение при доказательстве генетической близости имеют явления системного характера, такие, например, как типология словообразовательных процессов или формирования вторичных значений. Исследования в области лексики и словообразования показывают, что по отношению друг к другу балтизмы и славянизмы нередко служат вариантами моделей, демонстрирующих возможности параллельного развития и модификации заложенных в них общих “матричных” значений.

В результате трансформации значений в балто-славянскую эпоху происходило расширение семантики основы с реализацией заложенного в ней “потенциала многозначности”. Это, в свою очередь, предопределило дальнейшую модификацию лексических значений уже на новом витке эволюции в период самостоятельного развития балтийских и славянских языков.

Анализ формирования производных лексем и их значений служит подтверждением того, что основные составляющие, на базе которых в дальнейшем формируется корневая морфема, общеиндоевропейские. Однако фонологический облик корня, обретающий конкретику содержания, уже балто-славянский. С точки зрения семантики, очевидна также идентичность развившихся в балто-славянскую эпоху вторичных значений.

Л и т е р а т у р а :

1. *Диманте И.* Красота в контексте этимологии. Valoda – 2008. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Zinātnisko rakstu krājums XYIII. – Daugavpils : “Saule”, 2008, 18. – 27. lpp.
2. *Откупщиков Ю. В.* К истокам слова: Рассказы о науке этимологии. – М. : 1986. – С. 50-80.
3. Словарь русского языка [СРЯ]. В 4-х томах / под ред. А. П. Евгеньевой. – Т. 3. – Москва, 1981 – 1984.
4. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. – В 4-х томах. – Москва, 1986 – 1987.
5. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. – В 2-х томах. – Т. 2. – Москва, 1994.
6. *Karulis K.* Latviešu etimoloģijas vārdnīca. 2 sējums. – Rīga, 1992.

Діманте І. В. Етимологічні версії: дієприслівники та прийменники.

Мовні факти свідчать на користь історичного етапу існування спільної генетичної мови-предка для балтійських та слов'янських мов, яка з'явилась після розпаду індоєвропейської протомови. Прадавній лексичний пласт містить значну кількість паралелей, притаманних слов'янським та балтійським мовам. Наступною ілюстрацією та підтвердженням “балто-слов'янської” теорії є факт модифікації значень кореневої морфемі, що виявляється за допомогою етимологічного аналізу.

Ключові слова: *прмова, балтійські та слов'янські мови, модифікація значень, багатозначність.*

Dimante I. The Version of Etymology: adverbs and prepositions.

Language facts serve as proof of the existence of a common genetic ancestral language of the Baltic and Slavic languages that followed the disintegration of the Indo-European protolanguage. The most ancient lexical layer contains significant number of parallels inherent to both Slavic and Baltic languages. Another illustration and confirmation of the “Balto-Slavic theory” is the modification of the root morpheme meaning, detectable from etymologic analysis.

Keywords: *a general genetic language, the Baltic and Slavic languages, the modification of meaning, polysemy.*

Дубовик Л. І., Радіонова Т. М.
Донбаський державний педагогічний університет,
Горлівський інститут іноземних мов

НАЗВИ ПРОФЕСІЙ ЯК ДЖЕРЕЛО ТВОРЕННЯ ПРИЗВИЩ СУЧАСНОГО МІСТА

Статтю присвячено дослідженню прізвищ сучасних жителів міста Горлівка, похідних від назв професій. У статті визначено роль та місце розглядуваних прізвищ з-поміж антропонімів, з'ясовано склад апелятивів, відображених в антропоосновах, проаналізовано їхні основні семантичні групи.

Ключові слова: *антропонім, апелятив, прізвище, назви професій.*

Антропоніми є важливою частиною словника української мови. Імені приділяли особливу увагу ще з давніх часів, вірили в його магічну силу, пов'язували з ним чимало забобон. Крім цього, власні особові назви містять цінну інформацію про побут, вірування, духовність народу. На думку Л. Кравченко, прізвища як окремий клас антропонімів здатні щонайбільше відображати колишні реалії життя народу [3, с. 3].

Системне вивчення українського антропонімікону припадає на середину ХХ століття. На сьогодні продовжуються дослідження власних особових назв, розширюється вивчення складових частин української антропонімічної системи, спостерігається копітке комплексне опрацювання регіональних антропоніміконів. Вагомим здобутком сучасної антропонімії є аналіз неособових відапелятивних прізвищ Закарпаття (П. Чучка), Прикарпатської Львівщини (І. Фаріон), Північної Тернопільщини (С. Шеремета), Розточчя (О. Марочкіна), Лубенщини (Л. Кравченко), Західного Поділля (Н. Рульова), Нижньої Наддніпрянщини (І. Ільченко), Дніпровського Припоріжжя (В. Горпинич, І. Корнієнко) та ін. Але відапелятивні прізвища сучасних мешканців м. Горлівка, умотивованих назвами професій, ще не поставали об'єктом наукового аналізу, що складає актуальність нашої наукової розвідки.

Мета дослідження – встановити лексико-семантичну базу прізвищ жителів Горлівки, мотивованих назвами професій – видається можливою через розв'язання таких завдань: